

Тесси и садовый
народец

АННА ФУРМАН

Анна Фурман
Тесси и садовый народец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68982306

SelfPub; 2023

Аннотация

За день до Рождества девочка Тесси знакомится с необычными гостями своего дома и открывает для себя новый удивительный мир по соседству.

Анна Фурман

Тесси и садовый народец

Когда Альфред, жалуясь на нелегкую долю дворецкого и ворча о новых веяниях, тащил в дом ёлку, внутри неё уже что-то копошилось. Не стану утомлять тебя, дорогой читатель, подробным рассказом о сетованиях Альфреда, скажу только, что они не стоили и выеденного яйца. Зато кое-что другое в этой праздничной кутерьме невозможно было обойти вниманием, а именно – Тесси.

Тесси, хоть и с увлечением наблюдала муки старого дворецкого, все же заметила, как мелко дрожат еловые лапы. И вовсе не оттого, что дерево волокут по паркету самым неподобающим образом, и маменька, будь она в холле, несомненно отчитала бы Альфреда за неуклюжесть, а лишь потому, – и в этом не было никаких сомнений – что в ветках кто-то укрылся. Поначалу Тесси решила, что это мышь, но, здраво рассудив, поняла – мышь бросилась бы наутёк, едва сообразив, что её пристанище обнаружили. Нет, ель шевелилась так, словно кто-то притаился в ветвях с одной лишь целью – во что бы то ни стало проникнуть в дом.

Конечно, Тесси не сообщила о находке Альфреду, горничной Лиззи, поварихе мисс Суини (хоть и умыкнула с кухни кусочек сыра, чтобы окончательно убедиться – мыши здесь не причём) и тем более маменьке. Вместо этого Тесси реши-

ла сама подкараулить незваного гостя.

Дождавшись, когда дерево установят в зале и оставят в покое: Альфред после всех злоключений не желал его видеть, мисс Суини постоянно торчала на кухне, а Лиззи, будучи чрезвычайно суеверной особой, старалась обходить ель стороной – Тесси устроилась рядом. И надо сказать, устроилась весьма недурно. Пушистые еловые лапы надёжно скрывали от глаз не только забравшихся в дом проходимцев, но и саму Тесси.

Здесь, дорогой читатель, позволь мне увести тебя в сторону и шепнуть на ухо то, что несомненно важно для нашей истории. Достопочтенный отец семейства Мимси, а именно такой была их фамилия, скончался два года назад, как раз под Рождество. Горе сие столь отяготило бедную миссис Мимси, что она, увы, отдалилась от дочери. Всё своё время безутешная вдова проводила за чтением книг по счетоводству или возилась в саду, обхаживая зимние розы, которые никак не желали цвести. И потому, будучи предоставленной самой себе, весьма взрослая особа семи лет, Тесси Мимси, развлекалась всеми возможными способами под неусыпным взором того, кто оказывался поблизости.

И здесь мы перенесёмся обратно, в нынешнее Рождество, где Тесси, дожидаясь припасённый для мышей сыр, принялась следить за елью. А следила она так рьяно и старательно, что сама не заметила, как уснула. Мягкие еловые лапы поманили Тесси, словно пуховая перина. Треск поленьев в камине уба-

юкал не хуже колыбельной, которую порой напевала Лиззи, помогая своей маленькой хозяйке готовиться ко сну. Дрожь и шорох в ветвях прекратились, замерли в торжественном ожидании. И лишь когда старинный особняк утонул в зимней тишине, как в прямом снегу, из зелёной хвои показалась такая же зелёная голова.

Хорошенько разглядеть её едва ли представлялось возможным для кого угодно, кроме любопытной маленькой девочки. А таковая как раз проснулась, сладко потягиваясь, на бесценном персидском ковре.

Зелёная голова сразу же захватила всё внимание Тесси, может быть, потому что высунулась прямо над её собственной головой. А может быть, потому что никаких голов на рождественском дереве и вовсе быть не должно.

Тесси притаилась, как только умела. А уж в этом деле, смею заверить, она была мастерицей. Кто ещё мог часами выжидать за занавеской в кладовой, пока мисс Суини отлучится с кухни, оставив на столе открытую банку джема? Или неподвижно сидеть под кустом лишь затем, чтобы выскочить и напугать Альфреда, отчитывающего мальчишку-почтальона?

Однако предлагаю вернуться к загадочной зелёной голове. Лицо на этой голове было украшено бородой, будто шапкой снега. А следом за ней из хвои показали шея, плечи, грудь и руки, как и положено всякому живому существу, пусть и отдалённо, а всё же напоминающему человека. Толь-

ко, пожалуй, раз в десять меньше.

Когда человечек явился на свет целиком, Тесси увидела, что облачён он в зелёный кафтан, и оттого утвердилась в мысли, что всё это не случайно. Разве может кому-то понадобиться столь тщательная маскировка, если этот кто-то не собирается слиться со своим убежищем, точно с троянским конём? Конечно же, нет.

Решив, что девчонка всё ещё сладко спит (Тесси наблюдала за происходящим прикрыв ладонью глаза, будто лежала на тёплом морском песке), человечек в зелёном спрыгнул и принялся махать рукой. Ель тотчас ожила и отряхнулась: со всех сторон разом, раздвигая пушистые лапы, попрыгали другие человечки. И если бы не часы за стенкой, отмерявшие точно шесть ударов, топот их маленьких ножек был бы слышен на весь дом. Незваные гости не только отлично замаскировались, но ещё и с точностью выбрали время для вторжения.

Тесси терпела сколько могла, но, когда несколько бородастых наглецов приземлилось на её мягкий живот, не выдержала, выдав себя с потрохами. Она ловко ухватила одного из них за край кафтана, и пока остальные в ужасе разбежались кто куда, поднесла его к лицу, чтобы получше рассмотреть в свете затухающих каминных углей.

Человечек смешно дрыгался в воздухе. И если ноги его болтались, пытаясь поймать равновесие, то руки уверенно сжались в кулачки, давая девчонке понять, что их крошеч-

ный обладатель вовсе не намерен сдаваться без боя. Лицо человека, хоть и было чрезвычайно бородатым и суровым, показалось Тесси совсем детским, а шапка, надвинутая на брови, венчалась милейшим помпончиком, что лишь убедило Тесси в безобидности грозного воина. Ведь ей было известно наверняка: злые люди не носят помпонов.

– Ну, и кто же ты таков? – спросила Тесси. В ответ человек лишь сильнее насупился и сложил руки на груди, продолжая при этом презабавнейшим образом болтать ногами.

– Ах так? – возмутила Тесси. – Что ж, раз не желаешь говорить, мне придётся тебя съесть.

И она широко разинула рот, поднося к нему человека. Конечно же, Тесси не собиралась никого есть, хотя, по правде сказать, порядком проголодалась оттого, что проспала обед. И всё же, поедание на вид маловкусных бородатых человечков в зелёных кафтанах вовсе не входило в её планы.

– Постой, хозяйка! – раздался тоненький голосок. Из-за кочерги, прислонённой к камину, показался другой человек. – Этот Бим! Я – Бом. А тот вон – Звонкогром. – Человечки по одному выходили на ковёр, а Бом продолжал перечислять: – Дуболом, Толстослон, Вышедом, Вгорлеком и Облом. Мы эти, хозяйка, садовые пискли.

– Может, пикси? – удивилась Тесси.

– Не, пискли, точнёхонько тебе говорю.

Свободной рукой Тесси почесала макушку, поразмыслила ещё пару секунд, а после, решив смириться, поста-

вила грозного Бима рядом с остальными. По правде сказать, Тесси казалось, что писклей было гораздо больше, когда они врассыпную спускались с ели. А теперь на линялом ковре словно бы лежала горка опавших хвойных иголок. Тесси напустила на себя самый важный вид, какой только сумела, совсем как маменька, когда отчитывала её за проступки, и, оглядев компанию садовых писклей, строго спросила:

– И зачем же вы пробрались в мой дом?

– Ну так это, хозяйка... – Бом, который, очевидно, был у них за главного или, по крайней мере, за смелого, поковырял остроносой туфлей ворс ковра. – Нам интересно, стало быть, поглядеть, как человеки по-новому Рожество справляют. Вот королевна и сказала, мол, пойдите. А ещё, чего уж, напакостить. Какое Рожество и без пакостей?

Бим, который так и не переменялся в лице, толкнул Бома плечом, явно призывая помолчать, пока тот не сболтнул человеку-девчонке ещё чего-нибудь лишнего, кроме того, что сболтнул уже.

– Ах напакостить! – Тесси упёрла руки в бока. – Нет уж! В этом доме пакостить могу только я!

– Дак ты ведь не знашь, хозяйка, мы в этом деле доки! – гордо ответил Бом.

– Ага, точно! Да! – тут же подхватили прочие пискли.

– Ты уж это, позволь нам, хозяйка, Рожество всё ж! – Бом снова потупился, ковыряя носком ковёр. По-видимому, этим он выражал крайнюю степень почтения. – Уж так мы

устроены, по-другому не могём.

Тесси хитро прищурилась. Уж она знала, как много стоит на кону. Ведь за любые шалости от маменьки влетит именно ей. Ни одна живая душа не поверит в историю о садовых писклях, а тем более, взрослая душа. Ведь взрослые души, как известно, не то, что детские, – с годами веры в них становится меньше и меньше. И если предстоит получать на орехи, так хоть с пользой и выгодой.

– А вы мне за это что? – спросила Тесси.

Бим, который всё время хранил горделивое молчание, поиграл бровями, подбирая самую хмурую гримасу из возможных, после переглянулся с собратьями и деловито почесал подбородок.

Надо сказать, писклям очень уж хотелось увидеть нынешнее Рожество. Ведь в иные года такого не бывало ни разу: ель тащили прямо внутрь, да ещё украшали всё гирляндами из омелы и остролиста. А что до пакостей, так без них садовый народец и вовсе не представлял себе жизни. Каждый уважающий себя пискль должен был хоть раз пробраться в хозяйский дом и что-нибудь в нём подпортить. Таков был закон общины, такова была писклинная натура. А потому Бим, столь же тщательно, сколь организовал вторжение, взвесил все возможные варианты, начиная с того, где человека-девчонка сметает писклей на совок метлой и кончая тем, где всё-таки их поедает. Он вышел вперёд и, откашлявшись, сказал:

– Мы сведём тебя к королевне, и она исполнит любое твоё

желание.

Тесси, недолго думая, кивнула и протянула Биму указательный палец. Она понятия не имела, как скрепляли сделки у писклей, но в мире людей обычно пожимали руки.

– Три шалости за одно желание, хозяйка, – на всякий случай уточнил Бим, всей пятернёй сжимая протянутый палец.

– Договорились! – ответила Тесси и расплылась в довольной, немного беззубой улыбке. Грядущее Рождество обещало быть лучше прошедшего.

***

Шалить, как и положено, условились в Сочельник. И здесь я сразу хочу посвятить тебя, мой читатель, в некоторые тонкости устройства великолепного дома семейства Мимси. Дело в том, что в дальнем крыле первого этажа, прямиком под хозяйскими спальнями, была небольшая комнатка, которую Тесси называла не иначе, как чулан. Конечно же, то был не чулан в традиционном смысле слова, и никаких мётел, лопат и крысиной отравы в нём не держали. Посреди небольшой комнатушки возвышалась лишь ржавая печь. Она отдавала тепло трубам, а те, в свою очередь, разносили его повсюду.

Это была по-настоящему большая и старая печь. А потому следить за нею, как и начинять углём, полагалось Альфреду. Дворецкий почитал эту свою обязанность пуще остальных и никого не подпускал к печи, которую считал ни чем иным, как сердцем дома. Он хранил ключи от «чулана» в своём столе и потому украсть их было крайне сложной задачей. Мож-

но даже сказать, невыполнимой. Если бы только ею не занялись маленькие проворные пискли. И хотя с ключами они провернули всё самым наиловчейшим образом, то справиться с самой печью оказалось куда труднее.

Тесси не любила чулан. Старая печь, по её мнению, вовсе не походила на сердце дома. Скорее, на противного монстра. Одного из тех, что обычно живут в подвалах или шкафах, спят днём, а по ночам выползают, лязгая железными зубами, чтобы найти непослушных детей и отправить в своё безразмерное брюхо. Но и упускать возможность набедокурить вместе с озорными писклями Тесси совсем не хотелось, а потому она твёрдо решила храбриться. Всем своим видом показывать, что ей, Тесси Мимси, вовсе нет дела до какой-то там древней печки. К тому же, всем известно, если достаточно сильно храбриться, можно взаправду стать храбрецом.

Тесси легко ускользнула от Лиззи (той предстояла битва с собственным страхом – горничной поручили наряжать ель) и прокралась в чулан, точно легчайшая тень солнечным днём. Компания из трёх писклей уже поджидала Тесси. При ярком свете, льющемся из маленького окошка под самым потолком, печь не казалась ей такой уж страшной. А презабавнейшие попытки писклей открыть ржавую дверцу и вовсе развеяли мрачную атмосферу чулана, как озорной летний ветер развеивает волосы.

– Поднажми, Облом, чего не жмёшь! – кряхтел Толсто-слон. Короткими ножками он изо всех сил упирался в стен-

ку печи, а ручками в заслонку, но та никак не желала поддаваться.

– Да как же! Чего же! – возражал Облом, дёргая заслонку на себя с другой стороны.

Тесси невольно хихикнула. Ей подумалось о том, как созвучны «слон» и «заслонка». А теперь она воочию увидела, что общего у этих слов.

– Подмогни, хозяйка! – взмолился третий. Кажется, его звали Дуболом.

– Эх вы! Хулиганы, проказники! – рассмеялась Тесси. Похоже, заслонка совсем заржавела. Не удивительно, что управиться с ней мог только большой и сильный Альфред.

– Раз! Два! Взяли! – скомандовал Толстослон. Четыре пары рук – три маленьких и одна большая – дружно взялись за печную дверцу. Да только взялись столь рьяно, что дверца, никак не ожидавшая такого напора, скрипнула ржавыми петлями, крикнула, брякнула и вовсе отвалилась, оставшись в руках Тесси.

– Ой-ой! – испугалась она.

Несчастный Толстослон, толкавший заслонку с другой стороны, отскочил и кубарем скатился в печь, напрямиком на остывшие угли. Дуболом и Облом звонко расхохотались. Толстослон, кряхтя, поднялся – весь перепачканный сажей с ног до бороды, он и сам походил на оживший уголёк. Только на чёрном лице злобно сверкали глазки-бусинки.

– Все не смешно! – заявил он, грозно топнув ножкой,

но унять заразительный смех оказалось не так-то просто. Теперь рассмеялась и Тесси, всё ещё сжимая оторванную за-слонку. За стенкой послышались шаги.

– Быстрее, скорее! – Облом тотчас же стал серьёзным. Он махнул Дуболому и тот, не медля ни секунды, достал из-за пазухи загадочный свёрток, перевязанный бечёвкой.

Тесси принюхалась.

– Ой, что это? – удивлённо спросила она.

– Ну как же, хозяйка! – горделиво выпрямился Облом, принимая у Дуболома свёрток. – Наилучшая...

– Наисвежайшая... – подхватил Дуболом.

– Чуть подмороженная... – Толстослон принял свёрток и надёжно спрятал его в куче углей и золы.

– Коровья лепёха! – закончил Облом, протягивая руку подобревшему Толстослону.

– Вонько буде-е-ет! – подытожил Дуболом, помогая Тесси приладить дверцу на место.

Тесси на секунду представила сморщенные лица домашних – особенно её развеселил образ Альфреда – и хихикнула. Ох и долго ему придётся искать источник зловония!

Тихо выбравшись из чулана, – Тесси на своих двоих, пискли у неё в карманах – компания направилась на кухню. Время близилось к обеду, а значит, нужно было провернуть ещё одну шалость. Только вот незадача – мисс Суини крутилась там, вовсе не собираясь отлучаться. Ей одной предстояло готовить целый рождественский ужин, и потому, выманить ку-

харку было куда труднее, чем выкрасть и вернуть ключи в стол старого дворецкого (это дело поручили Дуболому).

Клубы дыма наполняли кухню снизу-доверху. Казалось, звон и бряканье всевозможных горшков, плошек, мисок и чашек раздавались отовсюду. Среди сущего хаоса носилась, как крыса по закромам, растрёпанная мисс Суини. Она нарежала, мешала, шинковала, парила, варила и жарила так, словно у неё было по меньшей мере десять рук.

Звонкогром, Вышедом и Вгорлеком уже поджидали товарищей. Пискли очень удивились, когда на кухню зашла человека-девчонка, а из карманов её платья тут же выпрыгнули Толстослон и Облом.

– Мисс Суини! – позвала Тесси, привлекая внимание кухарки. Та вынырнула из клубов пара, утирая лоб тыльной стороной ладони.

– Маленькая леди! Что вы делаете на кухне?

Тесси старательно тянула время в ожидании условного сигнала.

– Мисс Суини, как вкусно здесь пахнет! Неужто это наш рождественский ужин?

– Да, маленькая леди.

Компания из пятерых писклей подобралась к большой кадке, в середине широкого дубового стола. Внутри, накрытый полотенцем, ждал своего часа пудинг. На самом деле ни Тесси, ни её маменька не любили пудинг, и всё-таки он был частью традиционного ужина в Сочельник. Изюм отврати-

тельно хрустел на зубах и напоминал Тесси тараканьи лапки. Хотя, смею заверить тебя, дорогой читатель, тараканьих лапок она никогда не пробовала, но отчего-то решила, что хрустеть они должны именно так. И всё же семейство жевало пудинг, чтобы не огорчать мисс Суини.

– Мисс Суини, а чем вы нынче маринуете гуся? – продолжала Тесси.

– Ох, маленькая леди, я совсем-совсем занята! Почему бы вам не зайти в другой раз?

– Но мне так хочется узнать! Ваш гусь всегда невероятно вкусный! – Тесси знала, что мисс Суини не сможет устоять перед столь неприкрытой лестью. И точно! Мисс Суини вздохнула, поправила чепчик на редких волосах, и села на табурет – пожалуй, пять минут отдыха не навредят ни ей, ни рождественскому ужину.

– Сначала я беру мёд... – начала загибать пальцы мисс Суини.

Пятеро шаловливых писклей устроили целую пляску на столе, почти под носом у кухарки. Они крутились, кувыркались, прыгали и показывали языки, но стоило мисс Суини краем глаза заметить зелёное пятно, бросались врассыпную, прячась за посудой. Тесси, кивая и делая вид, что увлечена маринровкой гуся не меньше, чем сама мисс Суини, изо всех сил старалась не рассмеяться.

В окно, ведущее на задний двор, прилетел камешек. За бульканьем и рассказами мисс Суини Тесси едва слышала

сигнал. Она выглянула наружу, и вовремя – Бим и Бом выполнили свою часть уговора.

– Мисс Суини! – Тесси прервала кухарку. – У вас гусь сбежал!

– Как сбежал? Куда сбежал? – тут же подскочила она, бросившись к печи. Хотя тот, что запекался в ней, едва ли смог бы удрать.

Дверь сарая, в котором Мимси держали гусей, и правда была распахнута. Один из его обитателей, не преминув этим воспользоваться, гордо расхаживал по небольшому, огороженному забором двору. На снегу оставались смешные отпечатки его перепончатых лап.

– Ох, батюшки! – всплеснула руками мисс Суини и, недолго думая, бросилась ловить беглеца.

Не теряя ни минуты, пискли выстроились пирамидой: они взобралась друг другу на плечи, так, чтобы самый бородатый из них, Вышедом, оказался точнёхонько над кадкой с пудингом. Сорвав с неё полотенце, Вышедом принялся трясти головой. В ненавистный пудинг с изюмом посыпались длинные белые волосы.

– Вот и оволосили! – радостно сообщил Звонкогром, когда пирамида писклей рассыпалась.

Тесси хихикнула, довольно потирая руки. Уж бородатый пудинг точно никто не захочет есть! А значит, вполне может стать, на десерт подадут её любимый черничный джем. Под крики мисс Суини, доносящиеся с улицы (гусь оказал-

ся куда проворнее, чем она ожидала), Тесси снова укутала кадку полотенцем, словно и не было никаких проказ. Осталась одна, последняя и самая главная шалость – кульминация праздника.

***

По традиции, начатой ещё почтенным мистером Мимси, за рождественским столом собирались все обитатели дома. Это был единственный вечер, когда прислуга и хозяева ужинали вместе. Миссис Мимси нравился этот славный обычай и после смерти мужа она продолжала его. По правде сказать, большую часть времени дом казался ей пустым, ведь обычно все занимались своими делами, и потому Сочельник, наполненный непринуждёнными беседами и искренним теплом, был для неё лучшим днём в году.

В уютной столовой повсюду горели свечи. Их призрачный тёплый свет плясал на изящной посуде: фарфоровых тарелках, хрустальных бокалах, серебряных вилках и ложках. Гирлянды из остролиста обвивали резной буфет, поднимаясь чуть выше, к настенным часам с тяжёлым маятником. Тут и там среди зелёных листьев виднелись гроздья красных ягод. Над дверью, ведущей в соседний зал, красовался венок из омелы. Тесси слышала, как мисс Суини говорила Альфреду, что если двое окажутся под омелой в такую волшебную ночь, они обязаны будут поцеловаться. Поцелуи не слишком-то увлекали Тесси, но сам венок, как и прочие украшения, казался ей по-настоящему волшебным и к тому

же весьма уместным.

За столом велись оживлённые разговоры, но Тесси не слушала их. Беседы взрослых и прежде казались ей скучными, а уж теперь, когда всё её внимание было приковано к настенным часам, и подавно.

Обхватив мятник руками и ногами, по нему карабкался Вгорлеком. Тесси находила это презабавным – из-за стола ей, конечно же, не было видно гримасы неподдельного ужаса. Вгорлеком страшно боялся высоты. Внизу, в ветках остролиста, собрались его товарищи: Вышедом, Дуболом и Звонкогром. Они как могли подбадривали отчаянного смельчака.

Наверху, забравшись на часы, Вгорлекома уже поджидала другая парочка – Бим и Бом. Они ловко открыли стеклянную дверцу и сумели приладиться так, чтобы в нужный момент оседлать стрелки. Им оставалось лишь дожидаться, когда часы остановятся в нужном месте. И всё это безобразие – подумать только! – происходило прямо под носом у людей. Однако же взрослые люди, по многому опыту писклей, предпочитали не замечать очевидного, а потому можно было и похулиганить.

Перед тем, как всё началось, мисс Суини, сбегав на кухню, торжественно внесла в столовую волосатый пудинг. Не удивительно, что в праздничной суете она, распираемая от гордости за столь чудный ужин (гусь получился просто превосходным, а его брат был пойман и оставлен в сарае, веро-

ятно, до следующего Рождества), совершенно не заметила подвоха. Вернее, заметила, но лишь тогда, когда пудинг занял почётное место в центре стола и собрал на себе свет, по меньшей мере, двух десятков свечей.

– Как же... Что же это... – залепетала мисс Суини.

– Ой! – маменька заглянула в блюдо.

– Чудны дела твои, Господи! – ахнула Лиззи. А дела и вправду были чудны, ведь таких длинных седых волос, позвольте заметить, во всём доме не было ни у кого. Что говорить, даже у Альфреда, несмотря на его весьма почтенный (по разумению Тесси) возраст.

Не успела загадка пудинга в полной мере завладеть умами, как на смену ей явилась новая. Неизвестно откуда в комнату вдруг проник ужасный запах – Альфред предусмотрительно растопил печь к ночи. Носы собравшихся за столом сморщились. Альфред, не желая терпеть подобное безобразие, принялся рыскать в поисках источника зловония. А маменька, к несказанному удивлению Тесси и остальных, вдруг звонко рассмеялась. И хоть леди не пристало смеяться подобным образом, но всё же миссис Мимси смеялась всё звонче и звонче, заражая этим смехом всех вокруг себя.

В тот же миг часы на стене словно сошли с ума. Стрелки принялись крутиться в разные стороны, а маятник качаться туда-сюда – Бим, Бом и Вгорлеком сделали своё дело. В общем гвалте и суете никто из взрослых не заметил, что малышка Тесси пропала. Она пробралась в соседнюю комнату,

где под раскидистой елью уже поджидали пискли.

– Идём, хозяйка, таков был уговор. – Толстослон, всё ещё перепачканный сажей, потянул Тесси за подол. Рядом с ним семенил, едва поспевая, Облом.

Процессия обогнула ель. Тесси не знала ровным счётом ничего о мире, в котором живут пискли, и как туда попасть, но ужасно удивилась, обнаружив за деревом не окно, которому полагалось там быть, а дверь. Небольшую, как раз по росту маленькой девочке и маленьким человечкам.

Облом вышел вперёд и постучал в дверь. Пискли замерли в ожидании ответа с той стороны, а Тесси принялась быстро хлопать ресницами.

– Кто желает пересечь грань миров в эту священную ночь? – раздался голос из-за двери. И хоть он был таким же тоненьким, как у других писклей, а всё же в нём слышались невероятная серьёзность и уверенность, словно он принадлежал монаршей особе.

– Облом и Толстослон. Мы ведём с собой гостью из мира человеков, – ответил Облом. Остальные пискли остались в доме – наслаждаться учинённым беспорядком.

– Проходите. – Дверь с еле слышным, как и положено двери такого размера, скрипом отворилась. Пискли маленьким зелёным ручейком затекли внутрь. Тесси пришлось немного нагнуться, чтобы не стукнуться головой – она пересекла границу, подняла глаза и застыла в восхищении, широко разинув рот.

Это был сад. Тот самый сад, в котором Тесси так любила играть летом. Тот самый сад, в котором столько времени проводила маменька, ухаживая за зимними розами. Знакомый, родной, изученный вдоль и поперёк, но всё же совершенно иной сад.

Ночное небо, укрывшее сад одеялом, казалось нарисованным кистью искусного художника: все мыслимые и немыслимые оттенки синего, голубого, жёлтого и изумрудного перемешались на нём до самого горизонта. Серебряные звёзды сияли ярко, но ещё ярче горели их лучи: они спускались вниз, будто ажурные лесенки, и касались диковинных растений.

Листья деревьев и всевозможных кустов покрывал ни то снег, ни то роса. Тысячи маленьких сверкающих точек стекали как вода и капали на землю. Тесси посмотрела под ноги: всё вокруг, сколько хватало глаз, устилал чудный «ковёр», будто море вдруг заглянуло в гости. Сад семейства Мимси весь сиял и переливался под луной, висящей так низко, что казалось, можно протянуть руку и отщипнуть кусочек от наливного румяного бочка. Тесси всегда думалось, что луна непременно должна быть сладкой на вкус.

Толстослон и Облом ушли вперёд, в глубину сада. От каждого их шага по земле расходились круги, как если бы кто-то бросал в воду камушки. Тесси ступала медленно, озираясь по сторонам. Она никак не могла поверить, что весь этот удивительный волшебный мир живёт своей жизнью совсем

рядом, под самым носом людей. Из-за каждой клумбы, каждого куста за Тесси наблюдали внимательные глаза. Сотни маленьких писклей всех размеров и возрастов собрались посмотреть на человеку-девчонку, что привели с собой их отчаянные собратья.

Наконец Тесси догнала своих проводников. Они остановились перед настоящим тронem: сиденье его походило на венок из омелы и остролиста, а спинкой служил маменькин розовый куст. Его листья и тугие, так и не распутившиеся бутоны, точно серебрянкой, были покрыты инеем. На этом троне восседала, очевидно, чрезвычайно важная особа. На вид она была чуть больше и старше остальных писклей. По крайней мере тех, с которыми Тесси довелось познакомиться. Голову важной особы венчала корона из голубого цветка колокольчика, а руки сжимали жезл – изящный зелёный стебелёк. Королевна стукнула жезлом, и пискли тут же поклонились. На всякий случай, Тесси тоже сделала реверанс, как учила её Лиззи.

– Поднимись, дитя! – сказала королевна. Тесси послушно выпрямилась и посмотрела ей в глаза. – Стало быть, это ты помогла моим подданным устроить рождественские шалости?

Тесси смутилась – могла ли она так запросто разговаривать с королевной, пусть и маленького волшебного народца? Тесси посмотрела на своих спутников, Облом едва заметно кивнул ей.

– Да, ваше... – Тесси запнулась, не зная, как принято на-

зывать королеву садовых писклей.

– Цветейшество, – добавила королева.

– Ваше Цветейшество.

– И я благодарна тебе за это. А потому отвечу на один твой вопрос и исполню одно твоё желание.

Любопытные пискли, тем временем, выбрались из своих укрытий и во все глаза разглядывали гостью. Здесь были как бравые воины, вроде тех, что забрались в дом Мимси, так и целые семейства. Пискли поменьше держали за руки своих мам и пап – писклей побольше. Некоторые шептались, некоторые просто тарасились, а некоторые прятались за родителей. Тесси улыбнулась одному особенно любопытному малышу, который подобрался к ней чуть ближе, и он улыбнулся в ответ.

– Ваше Цветейшество, – наконец заговорила Тесси. – Позволите ли вы детишкам посмотреть на Рожд... Рожество в моём доме?

Королева удивилась:

– Это и есть твой вопрос? – Она, как и Тесси минуту назад, окинула взглядом своих подданных. На лицах малышей засияла надежда.

– Да, – ответила Тесси.

– Что ж, раз так, то и мой ответ – да.

Сотни крошечных человечков радостно вскричали, и сад наполнился их голосами, будто звоном колокольчиков.

– А каким будет твоё желание? – спросила королева, ко-

гда все утихли.

Тесси закрыла глаза, как и положено, когда загадываешь что-то сокровенное. Её щеки покрыл таинственный румянец, а губы расплылись в улыбке. И это была самая добрая, наивная, светлая улыбка, словно Тесси берегла её только для нынешнего Рождества.

***

Никто не заметил, как Тесси вернулась. Маменька, пребывая в отличном расположении духа, позвала всех в зал, где стояла ель, – петь рождественские гимны.

Лиззи постаралась на славу – дерево сверкало и сияло, будто облитое солнечным светом. На его ветвях красовались позолоченные орешки и всевозможные сласти в красивых обёртках. Тут и там на зелёных лапах виднелись огарки свечей, их пламя отплясывало радостный танец грядущего Рождества, и тени на стене вторили чудным движениям.

Альфред всё-таки понял, в чём дело (он и сам когда-то был шаловливым мальцом, только совсем позабыл об этом), и уладил недоразумение – теперь в доме пахло хвоей и немного полынью. Мисс Суини достала из закровов банку черничного джема, осчастливив этим абсолютно всех.

Маменька обняла Тесси, которая появилась словно бы ниоткуда, и, наклонившись, прошептала ей на ухо:

– Будь осторожна, дорогая, Лиззи сказала нам, что в эту ночь грань истончается и кто угодно может проникнуть в наш мир.

Тесси улыбнулась. Ведь она точно знала – в ветвях ели, гирляндах из остролиста и венках из омелы кое-кто копошится. А на утро в прелестном, укутанном снегом маленьком саду почтенного семейства Мимси наконец расцветут любимые маменькой зимние розы.